

Ноябрьский поздний вечер. Холодный сырой западный ветер нёс на город тяжёлые тучи. Но дождя ещё не было.

...Не спеша докурив «беломорину», Пётр Иванович бросил окурок в бетонную урну и ступил на плиты площади Революции, центральной площади его города. Вокруг было тихо и пусто, как будто и не шумели здесь много десятков лет подряд многотысячные демонстрации, не ходили стройными колоннами войска на парадах.

Пётр Иванович передёрнул плечами, поднял воротник пальто, надвинул на брови кепку — начало подмораживать. Да и бродил он по улицам уже довольно долго.

Он перешёл половину площади и приблизился к памятнику. Памятник стоял на высоком гранитном постаменте, отвернувшись от серой громадины здания обкома КПСС, глядя невидящими очами вперёд и простирая каменную руку к далёким лесистым сопкам.

«Вот стоишь ты тут,— мысленно заговорил Пётр Иванович,— и не знаешь, что власть коммунистов кончилась. Не будут они больше народом командовать. Вон и в обкоме ни одно окно не светится. Сбежали, наверное, все „начальнички“. Снесут скоро его за ненадобность. Хотя — зачем сносить? Здание хорошее, большое. Можно детям отдать или под клуб какой. А вот памятники точно все снесут. Вон в Москве статую Дзержинского сбросили, и Ленина сбросят. Э-хе-хе! А ведь мы с этим всю жизнь прожили, столько пострадали — и всё зря! Получается, неправильно мы жили. Ай как горько!»

Ветер выжал из его глаз пару слезинок, скатившихся на морщинистые впалые щёки. Пётр Иванович потёр их, ощутив под пальцами вырастающую щетину. «Да пропади оно всё пропадом!» Им вдруг овладело озорство, безрассудство — в его-то весьма преклонные годы! «А дай-ка я ему, Ленину, вслух всё скажу, в лицо. Напоследок. Это хорошо, что сейчас ночь, — никто не услышит, не подумает: мол, старик с ума сошёл, сам с собой разговаривает. Правду скажу!»

Пётр Иванович подошёл к самому постаменту, прямо напротив выпуклой надписи: «Ленину — сибиряки. 1970», — и оказался с вождём лицом к лицу. Он задрал голову так, что пришлось рукой держать кепку на затылке. Стоять таким образом было неудобно, и он снял кепку, оставил её в руке.

— Эй! Владимир Ильич! Слушай, что скажу! — позвал Пётр Иванович.

Сказал он это громко, но голос его дрогнул. Слова взлетели без эха. Просто прозвучали и опали, как будто утонули в каменных широких ступенях, в постаменте, в самой гигантской скульптуре.

Мужчина, заговоривший с Лениным, огляделся. На площади царили темнота, тишина и покой. Даже тучи, казалось, остановились, замедлили бег, раздумали разражаться дождём.

Несколько приободрившийся Пётр Иванович продолжил свой монолог:

— Вот, товарищ Ленин. Давно я собирался вам сказать... ну, пусть и не очень давно, но теперь я точно всё выскажу. Вы завлекли народ за собой, пообещав построить общество без богатых и бедных, где все будут равны, жить будут по справедливости. А что получилось? Гражданская война, разруха, голод, военный коммунизм. А потом что в стране творилось, знаете? Я вам скажу как коммунисту — комму... кхэ-м, да, бывший член партии. Вот что вытворяли ваши преемники: коллективизация — раз, лагеря и репрессии — два. А Великая Отечественная война — что? «За родину, за Ленина, за Сталина, уря-я-я!» Уж погребили народу-у — миллионы! Да сколько без вести — без могилы, без памяти. Э-эх! Да какие ребята были — лучшие, умные, работающие.

Я пацан ещё был, школьник, а помню, как эшелонами везли, без счёта. И мой батяня тоже... А после Сталина что, лучше правители были? Один — кукурузный сеятель, волюнтарист и самодур. Другой — вообще анекдот ходячий. А последний генсек ЦК и того хлеще — болтун «меченый». Собирались к тысяча девятьсот восьмидесятому году коммунизм построить, а дожили в итоге до голых полок в магазинах и карточной системы. И это в конце двадцатого века! Над нами весь мир смеётся. Хорошо, что нашёлся наконец смелый мужик, русский, с Урала. Вот я смотрю по телеку, по телевизору то есть, заседания Верховного Совета, так он прямо так и говорит: «Хватит жить в коммунистическом рабстве; поднимемся с колен; свободу всем народам и русскому народу тоже; берите суверенитета кто сколько сможет проглотить; сделаем экономику рыночной и будем жить как в Америке; возродим Россию!» Я дословно не помню. Но очень хорошо говорит. Теперь не будут нам райкомы и партбюро указывать, как жить. Вот сейчас, на седьмом десятке лет моей жизни, жизнь моя только и начнётся. Получит народ свободу, даст стране изобилие, и тогда-то мы догоним и перегоним и Америку, и Европу! Вот так, Владимир Ильич. И когда я понял, сколько лет прожил в обмане, спали с меня шоры, я пошёл и... короче, вышел я из КПСС. Сам, своими руками, безо всякого бюро райкома и волокиты. Не нужны больше коммунизм и сказки про счастливое будущее. Я старик, и немного мне осталось, но я ещё поживу при демократии. И мои дети и внуки будут жить в великой, свободной России. Вот что я хотел вам сказать, товарищ Ленин. А теперь я спать пошёл, поздно уже.

За пять кварталов от площади на башне здания горисполкома часы пробили полночь. Двенадцать металлических ударов отчётливо прозвучали в ночной тишине. Пётр Иванович сошёл вниз по каменным ступеням, намереваясь идти домой. Но едва он сделал пару шагов, на его плечо опустилась каменная тяжесть. Старик скосил глаза и чуть не упал на колени: на его плече лежала огромная длань вождя мирового пролетариата! Пётр Иванович покачнулся и зажмурил глаза.

— Подождите, товагыщ, давайте поговогим,— внезапно прозвучал негромкий, слегка картавый голос.

В воздухе обозначилось движение, как будто нечто большое пролетело и опустилось на землю. Каменная тяжесть на плече исчезла, и Пётр Иванович открыл глаза. Рядом с ним стоял среднего роста человек в демисезонном драповом пальто и в давно вышедшей из моды суконной кепке. У человека была небольшая борода и знакомый по фотографиям прищур глаз.

— Вы... это как же так?! — Пётр Иванович сглотнул спазм в горле.

— А вот так, батенька. Хе-хе! Коммунизм — это сила. Мы ещё и не то можем. Ну что ж, пгисядем на лавочку?

Они отошли немного и сели на большую парковую скамью, стоявшую между двумя высокими голубыми елями.

— Так что, товарищ, ты хотел мне сказать? — Ленин положил ногу на ногу и внимательно посмотрел на собеседника.

Прищур в его взгляде уже не было. Куда-то подевалась и картавость.

— Да я, собственно, всё сказал, Владимир Ильич. Партия больше не «наш рулевой». Партийное руководство оторвалось от народа, погрязло в коррупции, кумовстве, а вместо деловитости и настойчивости демонстрирует бездарность и некомпетентность.

— Фуй, какие термины! Ухо режет. Семьдесят лет назад мы по-другому характеризовали оппортунистов и лжемарксистов. Но лучше всяческих диспутов, скажу прямо, это отсылать таких мерзавцев к Дзержинскому, на Лубянку. Но раз у нас такой разговор случился, то я отвечу как на духу.

Ленин встал, обошёл скамейку, обеими руками опёрся на спинку. Пётр Иванович сжался, сполз на крайнюю дощечку сиденья. Подумал с невольным трепетом: «Вот так он стоял на трибуне. Сейчас снимет кепку, сожмёт в кулак и как...»

Но Ленин кепку не снял, а просто заговорил, глядя поверх головы собеседника глубокими тёмными тенями глазниц:

— Я внимательно выслушал тебя, товарищ. Позволь и впредь называть тебя товарищем, хотя я знаю, что ты сегодня совершил.

— Кхэ-м, но я ведь... — подал голос Пётр Иванович.

— Знаю, — Ленин пристукнул ладонью по спинке скамьи. — Поздно вечером ты достал из ящика серванта партбилет, пошёл на берег реки, изорвал его и выбросил в воду. Это грубое нарушение устава и партийной дисциплины. Но в сущности — что это меняет? Да ничего. Ты как был, так и остался — честным, верным своим принципам человеком. А коммунизм — гм... что сказать? Вот ты, товарищ, сейчас выдвинул тяжёлые обвинения к партии. Дескать, всё было неправильно. Это пахнет ревизионизмом, батенька! А как ты думаешь — легко ли строить новый мир? Но для этого надо сломать, смести с земли мир старый, висящий как пудовые гири на ногах, мешающий прогрессу своей косностью, прямым анахронизмом. А легко ли управлять огромной страной, миллионами людей, озверевших, разуберившихся за годы войны. А ведь они не читали не только Маркса и Кампанеллы — азбуки многие не читали! Знаете, товарищ, о чём я мечтал? Чтобы каждый рабочий, каждая кухарка умели управлять государством. А молодёжь тем более должна учиться, и учиться надлежащим образом. Вы вот с партии спрашиваете: что делается да кто виноват? Но ведь партия — это прежде всего люди. Знаешь, когда мы в ссылке, в эмиграции рассуждали о коммунизме, и то нам было не очень понятно. Каким путём идти к царству всемирного счастья, спорили до хрипоты, до драчки. А когда осенью семнадцатого дорвавшиеся до власти либералы, буквально за полгода поставившие на грань краха огромную страну, завопили: всё пропало! мы не справились! мы не знаем, куда вести народ дальше! — тогда только большевики взяли на себя смелость и заявили: есть такая партия, которая знает! Мы поведём, мы укажем! Смело, товарищи, в но-огу!.. Гм, гм, так о чём это я? Для смены власти в стране были глубокие социально-политические основания. Это невозможно отрицать. Представь себе: большевики — интеллигенты из разночинцев, подпольщики, заговорщики-робингуды — получили неограниченную власть на штыках распропагандированных солдат и матросов. В гигантской разноплеменной стране, раненной войной, сведённой с ума предыдущими бездарными правителями. Что нам было делать? Заигрывать

с демократами и прохвостами всех мастей и профукать власть, подобно Сашке Керенскому? Нет. Мы, большевики, действовали жёстко и эффективно. Мы были подобны хирургу, отсекающему больные члены, чтобы спасти весь организм. Да, вместе с мёртвыми пришлось отсечь и часть здоровых клеток. Увы, была такая необходимость.

— Больно же, Владимир Ильич!

— Да, больно. Да, страшно. Но, повторяю, это было крайне необходимо. Архиважно было сохранить советскую власть хоть в какой-то части России. Сохранить любым способом: силой, принуждением, самым беспощадным террором. А как ты думаешь — наши враги поступали не так же? Победы они — утопили бы пролетариат в крови. Вспомни восстания Разина, Пугачёва. Но мы сделали это — построили первое в мире государство рабочих и крестьян. Весь мир встряхнули, как пыльный, побитый молью и гнильцой ковёр. Все тысячелетние устои сломали к чертям собачьим. Мы — Архимеды, перевернувшие мир!

— Но, Владимир Ильич, а надо ли было делать это? Зачем «переворачивать» мир?

— Гм, зачем? А зачем встаёт солнце, зачем зима сменяется весной, к примеру? Закон природы, батенька, да. И история подчиняется тем же самым законам. Природа не терпит застоя, мертвечины. Так и смена формаций необходима для общества. Мы, коммунисты, всего лишь орудие, рычаг, подвинувший человечество к прогрессу. Вот, скажем, ты, товарищ, из потомственных крестьян. Твой дед был неграмотный бедняк, как говорится, «лаптем щи хлебал». Отец был солдатом Первой мировой, потом Гражданской войны. Поездил, мир повидал от Прибалтики до Приморья. Два класса церковно-приходской школы окончил, потом курсы счетоводов. Стал завхозом в колхозе — не последний человек в деревне. А ты, Пётр Иванович, как жил? Сначала семилетка в райцентре, потом город, школа военных техников, служба в армии. Затем город, институт заочно, университет марксизма-ленинизма вечерне. Ты же до сорока лет учился. Бесплатная учёба, медицина, жильё, гарантированная работа. Работал инженером, начальником производства. Коммунист с пятьдесят третьего года.

Тебя люди уважали, в пример ставили. Не выслужился ты до больших чинов, но жил по совести и по правде. Вот поэтому ты сегодня из партии... ушёл. Не смог оставаться с партбилетом и жить без принципов, без совести в разваливающейся на части стране.

— Владимир Ильич, всё это у нас было. Но были и коллективизация, лагеря, репрессии, подавление свобод. Вот ваши преемники...

— Да что вы всё плохое выискиваете? — Ленин с досадой пристукнул ладонью. — Нельзя так категорично: белое — чёрное, хорошо — плохо. Нет однобоких вещей, и нет однозначных событий. Учите диалектику, товарищ! Что касается моих, так сказать, преемников — вот у них и спрашивайте, как они страной руководили. Между прочим, — Ленин озабоченно поглядел на беспросветное небо, — ночь заканчивается. Мне скоро уходить. Ещё что-нибудь хочешь спросить, товарищ?

— Да что же? — растерялся Пётр Иванович. — Не знаю, что ещё можно спросить.

— Спроси, например, о будущем. Вот скинули демократы и либералы коммунистический режим, а дальше что? Как будете жить при новом, при «диком» капитализме? Тяжело будет жить страна. Через месяц-полтора встретятся три собутыльника где-нибудь в лесу, в самой пуще, и, чертыхаясь и матерясь, разорвут единую страну в клочья. А потом — рыночная экономика, экономические реформы, приватизация по праву сильного и наглого и прочие сопутствующие «прелести» нарождающегося буржуазного общества. Снова появятся «господа» и «простолюдины». Десяток лет люди будут бороться за выживание. Вы, пенсионеры, будете получать пенсию такую, что только бы от голода не помереть, да ещё кормить на неё детей и внуков. Дети твои потеряют работу, станут мелкими торговцами, таксистами, частными предпринимателями или вообще вечно безденежными «бюджетниками». У внуков не будет беззаботного детства, пионерских отрядов, кружков по интересам, добрых мультиков и сказок. Вновь повторится семнадцатый год, с его борьбой за власть. Повторится и двадцатый год с его бандитизмом и беззаконием. Вы ещё не

раз задумаетесь над вопросом: мы работали, строили, создавали — и опять всё разрушили. А зачем?

В тишине ночной площади, совсем недалеко, наверное, в голых кустах сирени у боковой дорожки, кто-то громко и явственно проговорил:

— Ку-ка-ре-ку!

Пётр Иванович вздрогнул и вскочил со скамьи. Ленин подошёл и встал рядом, боком к старику. Его профиль был совсем не похож на изображения с плакатов и знамён.

— Пропели первые петухи,— глухим падающим голосом сказал Ленин.— Мне пора на место. Давайте, товарищ, на прощанье споём: «Вихри враждебные веют над нами...»

— «Тёмные силы нас злобно гнетут»,— подхватил Пётр Иванович и от волнения плотно прикрыл глаза.

Внезапно в лицо ему ударил сильный порыв ветра, колючие ледяные дождинки обожгли кожу. Старик отвернулся и пошёл прочь, но песню не прервал:

— «В бой роковой мы вступили с врагами, нас ещё судьбы безвестные ждут...»

Он дошёл до края площади, остутился, сходя с бордюра, и чуть не упал.

Пётр Иванович открыл глаза и оглянулся. Статуя Ленина возвышалась над площадью, казалось, плыла под низкими клочковатыми тучами.

Он что, спал на ходу? И разговор с вождём был видением? Но почему на сердце стало так легко? Почему появилась уверенность, что не зря жил он на свете, не зря работал, растил детей? Всё ещё вернётся, будет и весна, и надежда на лучшую жизнь. Надо лишь немного перетерпеть эти трудности. Что ж, ему не привыкать, переживём и это лихолетье.

Днём надо будет купить две гвоздички и снова прийти сюда, на площадь. Пусть он больше и не коммунист, но память о прошедшем времени и о людях ушедшей эпохи навсегда останется с ним. Всё-таки это было неповторимое и замечательное время! История великой страны!

«Марш, марш вперёд, рабочий народ!»